

Весенние холода всё еще покусывали.

Приближался день рождения Цэнь Сяо.

Ли Жун пересчитал свои накопления, какое-то время напряженно размышлял, а затем просто замер, бессмысленно глядя в потолок.

Он никогда не праздновал день рождения Цэнь Сяо. Точнее сказать, раньше он намеренно игнорировал эту дату: забивал рабочий график до отказа, уходил спозаранку под аккомпанемент бесконечных телефонных звонков и возвращался лишь после полуночи.

Конечно, Цэнь Сяо вовсе не ждал его, обливаясь горькими слезами.

Работа в Объединенной торговой палате неизбежно влекла за собой бесконечные светские приемы. К тому же он был сыном председателя Третьего района, и желающих завести с ним знакомство всегда хватало — день рождения был для этого идеальным поводом.

В какой-то момент Цэнь Сяо в совершенстве овладел искусством менять маски: с Ли Жунуном он был одним, с доверенным Цзянь Фу — другим, а с теми, кто лез из кожи вон, чтобы выслужиться, — третьим.

Юноша умел быть дерзким и грубым, заставляя вожаков уличных банд искренне считать его своим «братом» и работать на него. При этом он мог быть честным и благородным, внушая доверие и преданность молодым сотрудникам Торговой палаты. Он умудрялся поддерживать тесные связи с председателями других палат; даже те, кто из Шестого или Восьмого районов враждовал с Цэнь Цином, относились к его сыну с симпатией.

Поэтому Ли Жун вполне объективно полагал, что еще через пару лет Цэнь Сяо смог бы полностью лишить отца реальной власти и занять его место в Третьем районе.

Жаль только, что сам он умер слишком рано и не увидел этого триумфа.

Надеюсь...

При этой мысли Ли Жун криво усмехнулся. Улыбка медленно сползла с его лица, а сердце внезапно сжалось.

«Надеюсь, в той жизни Цэнь Сяо действительно благополучно сместил Цэнь Цином и с ним не случилось ничего дурного»

— Я так беден. Стоит ли мне дарить что-то на день рождения? И что вообще можно выбрать? — Ли Жун перевел взгляд на Цзянь Фу и Линь Циня, задав вопрос со всей искренностью.

Линь Цинь тоже посмотрел на Цзянь Фу. Он всё еще плохо знал Цэнь Сяо, но раз уж они теперь в одной команде, хотелось выбрать подарок, который действительно пришелся бы имениннику по душе.

Цзянь Фу скривился и с некоторым сомнением взглянул на друзей.

— А... Да вам не нужно ничего дарить. Брат не празднует дни рождения. Вообще никогда, с самого детства.

Ли Жун не успел вставить ни слова, как Линь Цинь изумленно выпалил:

— Как это — не празднует?

Цзянь Фу пожал плечами. Он явно колебался, не зная, стоит ли рассказывать правду, и лицо его даже немного исказилось от неловкости.

— Это... ну... в общем... понимаете...

Линь Цинь, будучи натурой чуткой, тут же спохватился:

— Если тебе трудно об этом говорить, тогда...

Он хотел было предложить сменить тему, но, вспомнив, что рядом Ли Жун, осекся. Интуиция подсказывала ему, что в таких вопросах последнее слово должно оставаться за старостой.

Ли Жун долго молчал, а затем сорвал листок с растущего у дороги персикового дерева и как бы невзначай спросил:

— И чем же он обычно занимался в этот день?

В прошлой жизни их сближение произошло уже после того, как Цэнь Сяо начал работать в Третьем районе. У того всегда были свои дела и встречи, так что юноша мог не беспокоиться. Даже если он возвращался домой, когда праздник формально заканчивался, Цэнь Сяо никогда не упрекал его.

Ли Жун вспомнил случай, когда вернулся из лаборатории в два часа ночи. В тот раз он был измотан до предела и уже успел разок вздремнуть прямо за рабочим столом. Открыв дверь квартиры, он обнаружил, что в комнатах темно, лишь на кухне горел неяркий желтоватый свет.

Этот светильник при ремонте планировали использовать для романтических ужинов при свечах, но у них таких сцен не водилось, поэтому лампу почти никогда не включали.

Цэнь Сяо привалился к обеденному столу, запрокинув голову на жесткую деревянную спинку стула. Трудно было понять, спит он или нет: дыхание было совсем тихим, а вокруг ощущался отчетливый запах алкоголя. Ли Жуну хватило одного взгляда, чтобы понять: собеседник только что вернулся с очередного шумного банкета, и хмель еще не выветрился.

Он не испытывал неприязни к выпившему Цэнь Сяо, потому что тот умел пить красиво. Хотя иногда мужчина мог придрататься к какой-нибудь мелочи, используя легкое опьянение как повод поиздеваться над партнёром, в состоянии настоящего опьянения он становился необычайно тихим и даже... покорным.

Впрочем, до такого состояния он доходил редко. Ли Жун видел его по-настоящему пьяным всего дважды, и один из таких разов пришелся как раз на ночь после дня рождения.

Старший на цыпочках подошел ближе и замер, молча разглядывая мужчину. Он знал, что пьяному человеку обычно очень плохо, но не собирался помогать ему прийти в себя. По правде говоря, даже если бы Цэнь Сяо просидел на этом стуле всю ночь, Ли Жун вряд ли почувствовал бы хоть каплю сострадания.

Он только что сдал промежуточный отчет по проекту GT201. Цзян Вэйдэ, изучив его, лишь хмурился и велел всё переосмыслить, предупредив, что излишняя суетливость погубит всё дело. Юноша был удручен. Он понимал, что профессор прав: он слишком торопился, слишком нервничал. Чем ближе он подбирался к исследованиям, связанным с его отцом, тем меньше мог контролировать себя.

Для чувств он был закрыт наглухо. В то время он не замечал никого вокруг, в его сердце не было места ни для чего, кроме успеха GT201. Судьба Цэнь Сяо его не волновала.

Однако тот всё же проснулся, сохранив свою привычную бдительность. Его реакции были замедленными, в глазах полопались сосуды, а взгляд казался слегка растерянным. Ли Жун окончательно убедился: он и впрямь перебрал.

Голос Цэнь Сяо звучал хрипло, кадык тяжело дернулся.

— Вернулся после сверхурочных?

Ли Жун удивился тому, что тот смог выдать связную и логичную фразу. Он невольно отступил на шаг, держась на дистанции, и сухо обронил:

— Угу.

На таком расстоянии, если бы Цэнь Сяо решил что-то предпринять, он успел бы добежать до комнаты и захлопнуть дверь. Реакция пьяницы в любом случае была бы хуже его собственной.

Но Цэнь Сяо лишь пододвинул к нему неприметную пластиковую коробку.

— Ночной перекус, — тихо проговорил он. — Весенние блинчики с креветками.

У этих блинчиков был очень нежный вкус, особенно если макать их в соус; внутри были завернуты особые специи — именно то, что любил Ли Жун.

Тот стоял перед ним с холодным выражением лица. Его взгляд был кристально чистым.

— Твой день рождения уже прошел, — отчеканил юноша.

Он решил, что Цэнь Сяо хочет устроить «романтический» ночной ужин, чтобы наверстать упущенное, поэтому намеренно напомнил ему:

«Мне не нужно составлять тебе компанию, время вышло»

Веки Цэнь Сяо дрогнули. Он поджал губы и надолго задумался, пытаясь осознать смысл сказанного.

— Пусть он будет сейчас.

Ли Жун промолчал несколько секунд.

У Цэнь Сяо были глубоко посаженные глаза и очень темные, почти черные зрачки. У таких людей взгляд обычно властный и тяжелый, внушающий невольный трепет. Но именно сейчас, когда он был пьян, а его покрасневшие глаза выражали растерянность, в нём появилось что-то невинное, соответствующее его истинному возрасту.

Однако Ли Жун был беспощаден:

— Сейчас два часа ночи. Что прошло, то прошло.

***

С нежного молодого листика сорвалась капля росы, упав в сырую, грязную щель между кирпичами.

Ли Жун очнулся от воспоминаний и заметил, что Цзянь Фу начал тяжело вздыхать.

— Подробностей я не знаю, — пробормотал Цзянь Фу. — Но с тех пор как мы знакомы, в свой день рождения он обычно прячется у меня дома. Сначала я и не догадывался, потом случайно выяснил. В общем... это как-то связано с дядей Цэнь и тётей Сяо. Брат в этот день не устраивает вечеринок, не фотографируется и не ест тортов. Никаких празднований. В его семье в этот день жуткие скандалы, поэтому он обычно просто сбегает.

Линь Цинь невольно нахмурился:

— Почему так? А я думал...

— Думал, в таких семьях, как наши, жизнь — сплошная сказка? — фыркнул Цзянь Фу. — Ну, у меня-то да, но брат как-то сказал, что для него день рождения — это «бедствие».

— Бедствие... — Ли Жун сжал в ладони мягкий листок, тихо повторив это слово.

Он знал, что у Цэнь Сяо плохие отношения с родителями, но не подозревал, что всё настолько серьезно.

Значит, бедствие?

Цзянь Фу попытался сгладить углы:

— Да ладно, брат уже привык. Просто не упоминайте об этом, и пусть этот день пройдет спокойно, — говоря это, он сделал рукой широкий жест, словно провожая улетающее время.

***

Десять минут третьего ночи. Цэнь Сяо поднял на него взгляд, в котором отразился смутный силуэт Ли Жуна.

— Даже сейчас нельзя?

Ли Жун слегка склонил голову набок, в недоумении нахмурившись. Цэнь Сяо, казалось, был настолько пьян, что нес какую-то околесицу.

Разве он мог решать, когда наступит день рождения? Эта дата определяется в момент появления на свет. Не может же праздник начаться тогда, когда ему вздумается?

***

Растерзанный лист в его руке источал свежий аромат. Сок испачкал ладонь, окрасив линии на коже в зеленый цвет.

Цзянь Фу помахал рукой перед лицом друга:

— Эй, ты меня вообще слушаешь? Брат терпеть не может свой день рождения. Он говорил, что когда-нибудь сам выберет себе новый день для праздника, который никак не будет связан с его родителями.

Ли Жун вздрогнул, его ресницы затрепетали. Он невольно усмехнулся и прошептал себе под нос:

— Так вот, значит, что он имел в виду.

Часто случается, что боль приходит с запозданием.

В двадцать три года, той холодной ночью при тусклом свете лампы, Ли Жун ничего не понял. Но вернувшись в свои восемнадцать, стоя на этой дорожке среди благоухающих цветов в школьном парке, он внезапно осознал истинный смысл тех слов.

Цэнь Сяо хотел выбрать по-настоящему хороший день для своего рождения. И Ли Жун был единственным, кто мог перекрыть его «бедствие».

<http://bllate.org/book/15351/1433294>